

Утверждение человечности

О романе С. Залыгина «После бури»

Сергей Залыгин завершил работу над своей, может быть, главной книгой — «После бури». Она долго создавалась и нелегко публиковалась.

«После бури» — роман. Жанр определен точно. Но почему же автор, не раз отвечая на вопрос о характере книги, говорил: детектив? Да потому, видимо, что сюжет, персонажи, их взаимоотношения так сложны и необычны, что для обозначения всего этого сразу и не найти точного, адекватного слова. И тогда возникает привычное, понятное: детектив. Слово — подсказка, внешний знак исключительности и, можно сказать, загадочности.

Но пусть читатель не подумает, что перед ним традиционные приключенческие перипетии. Здесь масштаб большой литературы, настоящее художественное исследование истории, драмы которой глубины. И потому для понимания их нужны не сюжетное изобретательство, а огромные усилия аналитической мысли писателя. В свою очередь последняя нуждается в активном соучастии напряженного читательского сознания. Иначе роман не «откроется» читателю во всем познавательном объеме.

Да, разумеется, роман «После бури» может породить ассоциацию с детективом. Ведь он — о нэпе, том самом, теперь уже далеком, прежде, который благодаря многим литературным и кинематографическим интерпретациям чаще всего выступал бездонной «кладовой» интригующих художественных сюжетов.

Думается, залыгинский роман основательно подрывает традицию этого, так сказать, эстетического и исторического дилетантизма. Но, разумеется, у писателя была вовсе не одна эта собственная литературная задача. Он взял на себя труд на принципиально новом художественном уровне исследовать явление, суть которого — не забудем — программно определил Ленин.

Нэп, как он планировался и, главное, осуществлялся, — не одни лишь экономические меры. Опыт нэпа — это и особые условия социально-духовного преобразования человека в послеволюционную эпоху. В контексте всех общественных изменений той поры нэп стал серьезным доказательством жизнедеятельной силы революции.

Большая литература не могла не осознать этого. В той исторической ситуации формировались крупные человеческие характеры. Они должны были стать художественными типами. Советская классика с ее неповторимыми характерами давно «подсказывала» такую эстетическую задачу.

Она и решается в романе Залыгина. У писателя есть, как известно, и свой аналогичный позитивный опыт: романы «Соленая Падь» и «Комиссия» — здесь художественные типы поистине общенационального значения (что

присутствует в эпических работах и других современных писателей, генетически относимых к сибирскому региону).

Но в «После бури» эпическое искусство автора обращено именно к нэпу как специфической проблеме нашей истории. Тут есть портреты, которые, на мой взгляд, весьма своеобразны. Центральные персонажи романа поставлены в чрезвычайно непростую связь. Люди, когда-то противостоявшие друг другу в смертельной схватке, смогли отыскать в себе некую общность на новом этапе их судеб, сблизить духовные усилия. В этом особенность первого послереволюционного десятилетия.

Портрет Лазарева, начальника Красносбирского крайплана, — новое свидетельство психологического мастерства писателя. Через поступки, слова необычайно цельной личности видны время, его динамизм и энергия времени. Лазарев как бы олицетворяет эту творческую энергию, когда каждому человеку найдено место в созидательном переустройстве. Его жизненная цель им же замечательно формулируется: «Воевали, кровь проливали, теперь нужно доказать, что не зря!»

Кому доказать? Всему миру, конечно, и, в частности, так называемым «бывшим», не принявшим революцию и боровшимся против нее. Убедить их в том, что большевики не зря против них воевали. Более того, помочь тем из них, кто духовно не совсем мертв, способен возродиться, понять очевидную истину: их существование оправдано, если оно не изолировано от того главного, что происходит в их стране, на их родине.

Вот судьба центрального персонажа романа — бывшего офицера Корнилова.

Существо для истории, так сказать, «подопытное», бывший натурфилософ, сохранивший в себе мыслительную энергию, склонный к самоанализу, а еще более к оценкам происшедшего вокруг, Корнилов прошел много духовных стадий: от формально понимаемого долга через нравственное двойничество, к возрождению в обеих сферах внутренней жизни: личной и социальной, к союзу с новым миром и драматическому разладу с ним. Справедливости ради скажем: не все ясно в этой судьбе. Особенно ее кульминационный момент — борьба Корнилова против тех, кто теперь к нему великодушен: тут в самоанализе персонажа виден пробел.

Но каков же урок этой судьбы? И необходим ли он людям другой эпохи? Один из ответов — в словах все того же Лазарева, в котором сконцентрированы воля, прозорливость, социальная мудрость и душевная щедрость коммуниста той эпохи. Урок — в животворной работе мысли, если она активна, в желании человека понять себя и мир. «Осознание жизни», — говорит бывший партизанист-подпольщик, — художественное, научное, со-

циальное, любое — обязательно должно приводить к более совершенной системе общественного устройства. Иначе грош цена искусству и науке, вообще всей так называемой духовной жизни человека!»

А истинная мысль есть всегда творчество. И одна из ее созидательных ролей — объединять людей. В романе утверждается мысль как мощный фактор исторического творчества. Недаром здесь антиподом всему человеческому и жизнедеятельному выступает существо, с полубезумным садизмом преследующее Корнилова.

Мысль в романе, может быть, самое главное действующее лицо. Не исключено, что кому-то роман по этой причине покажется несколько рационалистичным. Но нельзя обнаружить в той мысли, которую утверждает автор, никакого прагматического характера. Конечно, для Залыгина неудивительно особое внимание и к тому, что составляет ценное начало в давнем опыте хозяйственного планирования (недаром почти все романное действие — в крайплане), и к многим дорогим ему формам преобразования в Сибири.

Но он возвышает иную мысль — ту, которую помогают понять приводимые в романе слова Маркса о том, что высшее существо для человека — сам человек. Следовательно, необходимо уничтожить все отношения, все условия, в которых человек является приниженным, пораженным существом.

Вот о чем роман Залыгина: о человеке, о его судьбе в переломные эпохи, когда в отношении к нему необходимы особая мудрость, требовательная бережность. О том, как надо открывать в человеке «новую энергию мышления», без которой невозможно разумная жизнь и ее совершенствование.

В свою очередь последняя — единственный способ спасти мир и себя, утверждается в романе. Люди оцениваются здесь прежде всего по их способности здраво и нравственно мыслить, желать объединения, а не бесконечных и кровавых конфликтов.

Одна из идейных кульминаций романа — диалог Корнилова и бывшего главковерха белой армии Бондарина, также во благо себе и своей родине в конце концов переломившего свою жизненную судьбу. Бывший генерал свидетельствует: Красная Армия готова была пойти на мирный договор с белыми. Блюхер писал генералу Молчанову: сложите братоубийственное оружие, свободный народ не станет мстить. Бондарин убежденно заявляет: Ленин пошел бы на мирный договор так же, как на Брестский мир; Троцкий нет, а Ленин пошел бы. Упомянут малоизвестный, но значительный эпизод военного времени. Антанта предложила провести под своей эгидой мирную конференцию на Принцевых островах, желая

показать, что большевикам мир чужд. И что же случилось? «Ленин, красные согласились тотчас послать делегацию на Принцевы, а белые? Белые отказались!»

Писатель ищет и находит социальные уроки, нужные нынешнему времени. Он отвергает жесткую однобокость в этических оценках, утверждает объективную, справедливую мысль высшей духовной нормой, источником прогресса, гарантией социальных успехов.

В повествовательной структуре романа заметна авторская ирония. Она сообщена, естественно, и стилем размышлений Корнилова, несколько выпяченному: «желание трудиться интеллигентно и мыслительно по направлению к будущему». Однако дело тут, понятно, не в стиле, а в самой идее. Она значительна, и не случайно ее носителем здесь выступает не только Корнилов, но и Лазарев, причем прежде всего именно он, творец и организатор новой жизни. Никакая социальная система, как бы ни была теоретически хороша, не обеспечивает стихийно, фатально большие успехи — они достигаются духовным подвижничеством, работой мысли и рук, сознанием великой цели, чувством человеческой общности.

И всеобщий мир достигим таким же способом — вот еще о каком историческом уроке напоминает этот роман. Недаром в его публицистическом финале говорится о первом декрете революции — Декрете о мире. Мир, став программой нашей великой революции, определил и благородную цель социализма на всех этапах его развития. В нашей борьбе за мир тем самым виден прекрасный закон исторической преемственности.

Роман Залыгина заканчивается на тревожной ноте. Но это тревога мобилизующая, вызывающая к разуму и нравственному долгу людей нашего времени.

В героике и драмах прошлого писатель увидел то, что надо помнить всегда: социалистическая революция свершалась для созидания новых отношений между людьми, для братства между теми, для кого труд есть главный смысл бытия, для преобразования человека в условиях его духовной свободы, для всеобщего мира.

Наверное, в стиле романа есть избыточный рационализм, повествованию порой не хватает психологического динамизма. Портретное мастерство Залыгина хорошо известно. Оно видно и здесь. Правда, в романе встречаются иногда, так сказать, портретные излишества, когда описание внешности персонажа несколько автономно, не выполняет психологической функции. Но в нем — крупные, неклишированные художественные типы и серьезные идеи.

П. НИКОЛАЕВ.
Член-корреспондент
АН СССР.